

КУЗЬМА ПЕТРОВ-ВОДКИН

Пространство Эвклида

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
ПЗ0

Петров-Водкин К.

ПЗ0 Пространство Эвклида / Кузьма Петров-Водкин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 413 с. : ил. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-07412-6

Кузьма Петров-Водкин — один из реформаторов русского искусства, за первые десятилетия XX века создавший собственный, ни на что не похожий художественный язык. Но самобытность Петрова-Водкина воплощена не только в живописи. Автобиографическая повесть «Пространство Эвклида», написанная в 1930 году, свидетельствует о выдающемся литературном таланте художника. Это плотная, энергичная проза, в которой сохранена живая интонация устного рассказа, рассказа о творческом становлении Петрова-Водкина, его путешествиях и знакомствах. Повествование сопровождается зарисовками автора.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07412-6

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Глава первая
ВЫЛЕТ ИЗ ГНЕЗДА

К выпускным экзаменам мы, школьники, незаметно для самих себя, возмужали. У каждого набухли и успокоились грудные железы. Лица стали озабоченнее. Огрубели наши голоса и смелее заговорили о девушках.

Начинали курить, правда, еще потихоньку от родителей. Пересилив тошноту и отвращение от табачного дыма, вырабатывали мы жесты затяжек, держания папиросы между пальцами, в углу рта, с цежением слов, выпускаемых одновременно с дымом.

Беседы сделались разумнее. Мы перешли к вопросам, о которых год тому назад и не думали. Насущным вопросом было — преимущества и осмысленность той или иной профессии: каждый намечал свой путь или кому его намечали родители, но немногие из нас решились бесповоротно переплестнуться за Хлыновск, и немногие сознавали всю скудность нашего учебного багажа, да и потребность в его пополнении была не у многих.

Сидим мы во дворе школы, — Петр Антонович нездоров, — мы знаем виновника нездоровья — буфет на «Суворове», сидим и обсуждаем наши предположения.

— Буду в Москве улицы подметать, а в Хлыновске не останусь! — заявляет Позднухов — наш поэт, романтик. Он сирота; дядя, у которого Позднухов сиротствовал, тоже бобыль, из прутьев мебель налаживал; так дядя решил, что раз довел он племянника до «высокой науки», так теперь кормежку ему делай.

— Пешком уйду, — продолжает Позднухов, — у меня и багаж готов: книга Пушкина, сорок копеек и сухарей насушил за зиму...

И мы знали, видно было по человеку, что он сдержит то, о чем говорит.

Петя Сибириakov — невеселый, у него тоже взрывчатое внутри, но он слишком мягок: его направляют в Саратов в торговое предприятие. Кузнецов, сын почтальона, в телеграфных чиновниках продолжит он профессию отца. Кира Тутин должен овладеть «высотами механики» — это его решение. Самый спокойный из

всех за судьбу свою — это Вася Серов, он по прямой линии пройдет жизнь, его разум четок и цепок, кто не посторонится на его пути, сам свалится; логикой голых истин Вася победит все свои немощи, и любовь, и жалость, и межпланетные загадки, закроет клапаны рассудка на прошлое и будущее, чтобы выровнять настоящее в длину и в ширину.

Трое учеников предполагали держать в железнодорожное училище.

— А ты? — обращаются ко мне. А я и не знаю, или, наоборот, слишком хорошо знаю мою склонность, но нет у меня определенной формы действия, я чую окольные пути, которые мне предстоят, я не знаю даже, есть ли для меня подходящая школа, да и как назвать то, чем я хотел бы заняться, — ведь я был пионером в Хлыновске, открывшим новое занятие.

Наш круг мозолистый: изложи ему занятие ясное. Черноты работы он не испугается, над ней не посмеется, только чтоб не было в работе передаточности дальней и чтоб полезность ее была обоснована. А как мне было обосновать занятие художника?

— Я также поеду в железнодорожное! — высказываю я товарищам только что созревшее во мне решение, — надо было с чего-то начинать жизнь и не прерывать учения.

Из выпускников у нас было два коновода — Серов и Тутин.

Всю школу прошел Серов на пятерках. Он не обладал фантазией игры и шалостей. Весь учебный материал он знал от сих и до сих. Прибегающим к нему за помощью товарищам он не отказывал, но ему казалось столь неестественным чего-нибудь не знать, что его помощь казалась высокомерной и всегда слегка колола самолюбие прибегнувшего к ней.

Большая голова Васи с черными глазами, которые, соединенные с гримасой угла рта, казались насмешливыми и недобрыми, эта голова, выбрасывавшая несоменные, школьные истины, была для меня объектом многих наблюдений. Я был к нему холоден, но не мог не восхищаться его мозговой коробкой, в которой так крепко были уложены и формулы математики, и призвание варягов, и катехизис. Отвечая урок низким, звучным голосом, Серов как бы приказывал квадрату гипотенузы строиться с катетами, Рюрик, Синеус и Трувор беспрекословно приходили владеть Русью, члены Символа веры каменными плитами печатали неизбежность.

Внутри меня было несогласие с такой тиранической безусловностью, но я не мог не поддаваться его умо-заключениям.

— Ну и умный этот Васька, — говорил смешливый Гриша Юркин, — пра, ей-богу, он в исправники пролезет!

Уж не знаю, крайности или прямолинейности сходятся, но законоучитель наш нарадоваться не мог на Серова. Отчитывает тот ему, бывало, урок, а протопоп умиленно разглаживает складки рясы и дакает в бороду и вздыхает, и растворяется в красноречии Васи от собственного косноязычия.

— Вот бы архиерей-то, да бы из своих, — видно, мечтал поп.

И случалось, что после урока звал законоучитель Васю в уединение и убеждал юношу в выборе подобающей карьеры.

— Опять в духовные звал, — отвечал Серов на наши расспросы.

Гриша Юркин спал и видел себя попом.

— Ах ты, вот те, ах ты!.. — ахал всерьез Юркин над своей мечтой. — Что же это длинногровый меня не приглашает? Ведь Васька назубок, а я по совести цер-

ковное знаю... Подожди, я ему изложу урок... Серову кутейность ни к чему, а я о сироте моей безродной стараюсь... Ах, уж покормил бы я мамашеньку шпионами в сметане!..

Надо сказать, несуразный Гриша отлично знал святы и катехизис, но его несчастьем было всегдашнее умозатмение; он путал слова по созвучию — шпионы у него вызревали в навозе, шампиньоны предавали родину. И вот, когда на первом же уроке мечтающий о духовном звании предложил отвечать по богослужению, мы с удовольствием слушали Гришино изложение. Ему даже удавалось избегать путающих его слов. Протоиерей также насторожился по-хорошему и задал последний вопрос о «проскомидии прежде освященных даров», и вот на него четко, без запинки, что твой Серов, начал отвечать Юркин:

— Микроскопия летаргии, пресыщенных даров совершается...

Законоучитель с кулаками бросился на бедного юношу:

— Балда бесовская! Заткни омраченную глотку!

Смешливый Гриша было фыркнул от трясения протоповой бороды, но потом очень вознегодовал.

— Так вот назло тебе докажу, распро-поп эдакий!.. — погрозил он вслед уходящему.

И что же, Юркин все-таки стал попом в селе Левшине. Мужики, говорят, любили веселого, простецкого батюшку, и если бы не водка, которой безмерно предался Гриша, может быть, он шагнул бы и за протопопа. Но однажды во время обедни зеленый змий показался ему идущим с клироса. Юркин шарахнул кадиллом в змеиную пасть и непристойно заругался в ужаснущуюся толпу прихожан.

Умер Гриша в доме для умалишенных в губернии.

Вторым коноводом был Тутин. Если Серов накапливал знания, то Кира их пропускал через себя — от него легко учились и другие. О нем я уже рассказывал в «Хлыновске» и обрисовал его влияние на меня.

Теперь, когда я пишу эту книгу, никого из перечисленных уже нет в живых.

Когда предстоит бросить насиженное годами место, то все в нем приобретает особенную привлекательность. Таким местом был для меня сад.

Отсюда я всматривался в мир. С пригорка у круглой беседки я научился разбираться по звездам. Восход, зенит и закат солнца знались мною по направлению дорожек и деревьев. Здесь прошли годовые смены пейзажа, дожди и бури, весны и зимы, по ним я стану оценивать в дальнейшем эти явления.

Здесь обдумывал я людей, животных и птиц. Устанавливал на свои места ценности, симпатии и ненависть. Здесь научился я любить землю — от влажной гряды с набухавшими ростками, ухоженной моими руками, до ее массива, ворочающего бока луне и солнцу.

Железнодорожная школа была для меня далекой возможностью, и, покуда что, я воспользовался рекомендательным письмом для поступления в ремонтные мастерские Среднего Затона. Что и это занятие будет для меня только пробой, что мне нужен был только перескок от Хлыновска дальше, чтобы приобрести разбег, это я знал наверное и также знал, что новая обстановка и дисциплина работы дадут мне большую устойчивость среди людей. Да и надо было проверить, сильна ли во мне тяга к искусству.

Средний Затон находился верстах в тридцати от города. Я направился туда пешком, чтоб налюбоваться напоследок с детства знакомыми местами.